

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСАХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

RUSSIAN PHILOSOPHY IN UNIVERSITY COURSES OF PHILOSOPHICAL DISCIPLINES

УДК 1(470+571)
ББК 87.3(2)522-685:74

Алексей Валерьевич Малинов

НИУ «Высшая школа экономики», доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Адаптивные стратегии истории русской философии¹

Аннотация. Рассматриваются возможные направления встраивания истории русской философии в современную образовательную среду, ее место в культурной ситуации нашего времени и философии в целом. Отмечается, что в полной мере история русской философии как учебная дисциплина начала складываться только со второй половины XX в., а формирование сообщества историков русской философии завершилось лишь в первое десятилетие XXI в. Рассматривается как процесс институционализации истории русской философии (образование кафедр, исследовательских центров, семинаров и т.п.), так и пример ее деинституционализации. Обсуждаются вопросы о степени интеграции истории русской философии в преподавание общего курса философии в высшей школе, возможностях проведения отдельных занятий в качестве факультативов или элективных курсов и их эффективности как средства трансляции русской философии в общественную среду; о связи истории русской философии с другими национальными исследованиями. Отмечаются возможные негативные последствия для самой дисциплины в случае ее подстраивания под политическую целесообразность. Анализируются адаптивные стратегии внедрения дисциплины «история русской философии». В связи с этим отмечаются возможности, которые предоставляют цифровая среда и искусственный интеллект. Рассматриваются также коммеморативные практики и перспективы философского краеведения.

Ключевые слова: история русской философии, историография, философское краеведение, институционализация философии, коммеморативные практики

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 г. «Человек в цифровой среде: инклюзивные и адаптивные стратегии культуры, биополитика и биосемиотика». The study was conducted within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2026 «Human Being in the Digital Environment: Inclusive and Adaptive Strategies of Culture, Biopolitics, and Biosemiotics».

Alexey Valerievich Malinov

National Research University Higher School of Economics, Doctor of Sciences (in Philosophy), Professor, Head of Department of Philosophy, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Adaptive strategies of the history of Russian philosophy

Abstract. This article explores possible areas of integrating the history of Russian philosophy into the contemporary educational environment, its place in the cultural situation of our time and philosophy as a whole. It is noted that the history of Russian philosophy as an academic discipline began to fully develop only in the second half of the 20th century, and the formation of a community of historians of Russian philosophy was completed only in the first decade of the 21st century. Both the process of institutionalization of the history of Russian philosophy (the formation of departments, research centers, seminars, etc.) and an example of its deinstitutionalization are considered. The issues of the degree of integration of the history of Russian philosophy into the teaching of the general course of philosophy in higher education, the possibilities of conducting individual classes as electives or optional courses and their effectiveness as means of transmitting Russian philosophy to the public environment are discussed; the relationship between the history of Russian philosophy and other national studies is discussed. Possible negative consequences for the discipline itself are noted in the event of its adaptation to political expediency. Adaptive strategies for the implementation of the discipline of the history of Russian philosophy are analyzed. In this regard, the opportunities offered by the digital environment and artificial intelligence are highlighted. Commemorative practices and the prospects of philosophical regional studies are also considered.

Key words: history of Russian philosophy, historiography, philosophical regional studies, institutionalization of philosophy, commemorative practices.

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.3.131-148

История русской философии как самостоятельная область академических исследований берет начало на рубеже XIX–XX веков. «Русская философия» (1840 г.) архим. Гавриила (Воскресенского) стоит в историографии русской философии особняком. Его историко-философские поиски не были продолжены следующим поколением исследователей. Запрос на историографическую рефлексию в философии сформировался в России только к концу XIX в.² В качестве учебной дисциплины история русской философии оказалась востребована еще позднее, фактически лишь с середины XX в. Ее реабилитация стала следствием изменения отношения к национальной традиции в последнее десятилетие сталинского правления. Однако если, с одной стороны, книга архим. Гавриила в области изучения истории русской философии оказалась не оставившим плодов первоцветом, то, с другой стороны, ее с полным правом можно считать началом преподавания русской философии. «Русская философия» была частью курса «Истории философии», который архим. Гавриил читал в Казанском университете. Таким образом, премьерное изъятие истории русской философии совпало с почином ее преподавания, причем в качестве органической части мировой истории философии. Тот

² См.: Куприянов В.А. Проблема оригинальности русской философии в ранней историографии русской философии // Философский полилог. 2022. № 2. С. 27–46 [1].

факт, что сейчас перед системой образования стоит задание на интеграцию русской философии в педагогическую практику, говорит лишь о том, что до сих пор философия в России не стала русской философией. Парадоксальное несовпадение смыслового ядра русской философии с локальными и временными ее эманациями свидетельствует о трагической расщепленности русской мысли, не сознающей себя в качестве национального типа мышления и созерцания. Актуальность мысли означает ее проявление здесь и сейчас, т.е. в определенном языке и контексте, культурно-историческом бытии, которое и нагружает ее, казалось бы, вторичным национальным признаком. Однако, что же в русской философии собственно русского? Что делает философию русской? Русским в русской философии, пожалуй, является лишь язык, в котором обнаруживает себя мышление. Здесь, впрочем, необходимо сделать оговорку. Языком профессиональной философии в России не всегда был русский язык. В разные периоды русская философия использовала и церковно-славянский, и латинский, и французский языки. Надо признать, что профессиональная философия в России всегда была наименее русской. Обобщающие исторические труды могли изначально публиковаться на других языках, например «История русской философии» (1938 г.) Б.В. Яковенко – на чешском, а Н.О. Лосского (1951 г.) – на английском. Если видеть в философии живую силу мышления, ищущую адекватную форму выражения как в стихии родного языка, так и в встраиваемом в нее профессиональном жаргоне, восходящем к классическим языкам Античности, то философия оказывается поглощена смысловыми ресурсами языка. Со времен М.В. Ломоносова и Н.Н. Поповского велась борьба за то, чтобы русский язык был признан полноценным языком философского мышления и науки. Но поскольку язык нам не принадлежит, он сложился задолго до нашего рождения, то, используя его в качестве средства предъявления мысли, мы погружаемся в его историю, транслируем все диахроническое многообразие его смыслов. Устойчивость и повторяемость философских вопросов, извечность философских проблем не означает буквально смысловой инертности философии. Смысл может быть только настоящим, т.е. подлинным и обнаруживающим себя здесь и сейчас. Возвращение к тому синтезу преподавания русской философии как философии, который архим. Гавриил осуществил почти два века назад, говорит о том, что пройден какой-то цикл в ее развитии, который еще только предстоит осознать.

Действительно, историография русской философии дает пример цикличности, или, при другой метафорике восприятия, маятниковости, историко-философского процесса. С конца 1980-х годов заметно интенсифицировались исследования по истории русской философии, увеличилось количество посвященных ей изданий и в целом публикаций, защит диссертаций и т.п. Примечательно, что в 1989 г. в третий и последний раз был переиздан советский учебник А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова «Русская философия IX–XIX веков», отражавший схематику советского марксизма, согласно которой в русской философии выделяли только два направления, достойные изложения и положительной оценки: революционно-радикалистское и материалистическое. С этого года в качестве

приложения к журналу «Вопросы философии» начала издаваться серия «Из истории отечественной философской мысли», значительно облегчившая знакомство с идейным наследием русской философии и способствовавшая его распространению. Начало меняться и содержание университетского курса по истории русской философии, расширяться его тематика и корректироваться система оценок концепций и мыслителей. На большинстве философских факультетов был введен трехсеместровый курс истории русской философии, который могли дополнять факультативы и спецкурсы. На профильных кафедрах появилась специализация для студентов по русской философии. В Государственном академическом университете гуманитарных наук на философском факультете курс истории русской философии читается в течение шести семестров³.

Параллельно с преподаванием шел процесс институционализации истории русской философии. В 1943 г. была создана кафедра истории русской философии в Московском государственном университете (в 1955–1989 годах – кафедра истории философии народов СССР), в 1990 г. была открыта кафедра истории русской философии в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете, в 2016 г. переименованная в кафедру русской философии и культуры, с 1992 г. в Российском государственном гуманитарном университете функционирует кафедра истории отечественной философии. В 1947–1951 годах в Институте философии АН СССР работал сектор истории русской философии и философии народов СССР, который в 1958 г. был восстановлен под названием сектора истории философии народов СССР, а в 1989 г. переименован в сектор истории русской философии.

Еще одной формой институционализации истории русской философии стали исследовательские центры в высших учебных заведениях, не имеющих профильных кафедр. Так, например, в Высшей школе экономики работают Научно-исследовательская группа «Отечественная философская мысль и духовная культура России» (руководители В.Н. Порус и О.А. Жукова) и Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога (руководитель В.К. Кантор), проводящие регулярные семинары и конференции. Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога также издает журнал «Философические письма. Русско-европейский диалог». При кафедре истории отечественной философии РГГУ существует Общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского (председатель В.В. Сербиненко, секретарь А.И. Резниченко). В Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге с 2005 г. действует Историко-методологический семинар «Русская мысль» (руководитель А.А. Ермичев). Одним из первых исследовательских центров по истории русской философии является созданный в 1999 г. на базе Ивановского государственного энергетического университета Межрегиональный научно-образовательный центр

³ О проблемах преподавания истории русской философии см.: Антонов К.М., Ванчугов В.В., Герасимов Н.И., Забелин К.В., Малинов А.В., Маслин М.А., Порус В.Н., Сидорин В.В., Тесля А.А., Червяков Н.А., Шиндяпин А.В., Шпаковский М.В. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» // Отечественная философия. 2024. Т. 1, № 2. С. 29–73 [2].

исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвский семинар) (руководитель М.В. Максимов), организующий регулярные конференции и издающий журнал «Соловьёвские исследования»⁴. В 2000 г. в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова был создан Межрегиональный научный центр по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и П.А. Флоренского (директор И.А. Едошина), издававший журнал «Энтелехия» (2000–2015 гг.) и проводивший конференции, посвященные В.В. Розанову и П.А. Флоренскому⁵. В качестве сетевого сообщества (современный вариант Invisible College) существует Международный центр изучения русской философии, инициированный преподавателями кафедры истории русской философии СПбГУ, с 2013 г. проводящий ежегодные Международные чтения по истории русской философии, а с 2017 г. издающий журнал «Философский полилог». В Балтийском федеральном университете им. И. Канта создан Центр исследований русской мысли. В качестве общественных организаций функционируют различные философские общества, самым крупным из которых является Российское философское общество, имеющее многочисленные региональные отделения. К локальным организациям можно отнести созданное в 1991 г. Русское философское общество им. Н.Н. Страхова (председатель Н.П. Ильин (1947–2019)), проводившее Страховские чтения и издававшее с 1994 г. журнал «Русское самосознание». Важным центром изучения и популяризации русской философии стали Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (с 1995 г.) и «Дом А.Ф. Лосева – научная библиотека и мемориальный музей» (с 2004 г.) на Арбате в Москве, в котором работает семинар «Русская философия: традиция и современность» (руководитель В.П. Троицкий) и проводятся ежегодные Лосевские чтения. В Мемориальном Дом-музее С.Н. Дурылина в г. Королёве в течение десяти лет проводились конференции «Сад расходящихся троп: Розанов, Флоренский et cetera». Заметную активность проявляют самостоятельные философские предприятия: Институт русско-славянских исследований имени Николая Яковлевича Данилевского (директор А.В. Буренков) и имеющий обширную издательскую программу Институт русской цивилизации, существовавший с 1993 г. по 2022 г. (генеральный директор О.А. Платонов), деятельность которых не всегда соответствует беспристрастному историко-философскому поиску. Порой национальная гордыня затмевает компетентность и здравый патриотизм. Исследования отдельных ученых, как правило проживающих в провинции, держаться исключительно на личном энтузиазме и познавательном интересе. Находящиеся за пределами России структуры по изучению русской культуры и философии являются центрами притяжения для ученых-русистов и славистов, чаще всего обращающихся к русской философии в связи со своими историко-литературными и историко-культурными исследованиями. Наиболее активными среди них надо признать Общество

⁴ См.: Максимов М.В. Библиографический указатель статей, обзоров и рецензий, опубликованных в журнале «Соловьёвские исследования» (2001–2021 гг. Вып. 1–72) / сост., вступ. ст. М.В. Максимов. СПб.: Алетей, 2022. 416 с. [3].

⁵ См.: Едошина И.А. «Вязание чулка» отечественной культуры (о деятельности научного центра в Костроме и журнале «Энтелехия») // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2. С. 142–150 [4].

русской философии при Украинском философском фонде (сопредседатели Г.Е. Аляев и Т.Д. Суходуб), существовавшее до 2014 г., издававшее Вестник общества и проводившее конференции⁶; регулярно организуемые с Терезой Оболевич конференции по русской философии «Краковские встречи»; исследовательский центр в Зеленогурском университете в Польше «Русская философия» (руководитель Л. Киейзик); разнообразные мероприятия, посвященные русской философии, проводимые с 1990-х годов в Туринском университете по инициативе проф. Р. Саллиони. Ряд исследовательских центров, изучающих русскую культуру и философию, действуют в Китае. Профессиональных философов, специалистов по русской философии за пределами России не много.

Постсоветское тридцатилетие в основном оказалось благоприятным для исследований по истории русской философии, хотя общая атмосфера эпохи и представляла собой безоглядное и в целом бездумное западничество. Неограниченная на первый взгляд вольность, отсутствие цензуры, почти полное отсутствие присмотра за философией со стороны государства формировали главное условие философского творчества – свободу мышления. Свобода историко-философского поиска с лихвой компенсировала безразличное, а порой и откровенно пренебрежительное отношение власти к национальным исследованиям. При отсутствии поддержки со стороны государства изучение русской философии держалось на кураже исследователей. Вынужденный аскетизм историков философии отсекал откровенных конъюнктурщиков, сплачивая небольшую корпорацию историков русской философии, которая и сейчас едва ли превышает полсотни человек.

Процесс формирования сообщества историков русской философии заняло два десятилетия (1990-е–2000-е годы) и носил скорее мозаичный, а не линейный характер⁷. Благоприятные условия для занятий историей русской философии сложились в известном смысле случайным образом. Начиная со славянофилов, отечественные мыслители неоднократно подводили черту под петербургским (западническим) периодом русской культуры. Однако даже советский марксизм и, соответственно, советский строй были альтернативой в рамках того же западничества, только радикального. События последних лет вновь позволяют обозначить исчерпанность западного пути развития российской культуры и государственности, причем на этот раз явно даже вопреки властвующему волеизъявлению. Невольно напрашивается историософская аналогия, ставящая исторические и политические события в зависимость от сверхчеловеческой воли и подчиняющая их неведомой логике истории. Вынужденная переориентация российской политики потянула за собой и смену вектора интеллектуального и культур-

⁶ См.: Аляев Г., Суходуб Т. Русская философия в Украине // Философский полилог. 2021. № 1. С. 143–172 [5].

⁷ См.: Козырев А.П. Трансформация сообщества историков русской философии. 1990–2010-е годы // Философские перекрестки: Московско-Казанский сборник. II Садыковские чтения. Вып. II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 22–34 [6].

ного развития. Пока трудно сказать, насколько эти изменения являются устойчивыми, но они, по крайней мере на уровне риторики, уже привели к корректировке исследовательских и школьных акцентов и приоритетов. Русская философия из несколько маргинализированной области занятий, когда она, по словам В.В. Сидорина, была загнана в «удушающую ситуацию зажатости между пренебрежением и бесплодными спекуляциями»⁸, стала приобретать respectable вид идеологически востребованной дисциплины, не лишенной политической ангажированности. От превращения истории русской философии в предмет идеологических манипуляций и спекуляций спасло лишь то, что такой предмет был создан искусственно – основы российской государственности. Тем не менее чуткие на конъюнктуру и склонные к карьеризму научные и педагогические кадры переориентировались на изучение русской философии. Никого не должно удивлять и скорое появление среди историков русской философии своих Трофимов Лысенко и Антонио Сальери. Без труда можно спрогнозировать рост количества публикаций по истории русской философии, который, вопреки законам диалектики, едва ли перерастет в качество.

Одним из признаков завершения цикла, или обратного хода маятника, следует считать факты деинституционализации истории русской философии. В качестве примера можно привести случай с кафедрой истории русской философии СПбГУ. В течение нескольких лет руководство философского факультета озвучивало мысль о единстве историко-философского процесса и нецелесообразности выделения истории русской философии из общей истории философии. После неудачной попытки директора института философии С.И. Дудника закрыть кафедру было принято решение изменить ее название. Переименование в кафедру русской философии и культуры на первый взгляд означало расширение исследовательского и образовательного пространства, т.е. познание русской философии как явления отечественной культуры. В реальности же произошла переориентация кафедры из историко-философской в культурологическую. История русской философии была сведена к минимуму и отеснена на периферию образовательного процесса. В качестве условия сохранения предмета стал навязываться переход на английский язык, что фактически возвращало в культурную ситуацию XVII–XVIII вв., когда было невозможно чтение лекций на национальных языках. Еще ранее началось сокращение часов на преподавание истории русской философии, а внедрение болонской системы просто ее обрушило. Была окончательно закрыта специализация по истории русской философии для студентов философского факультета. Курсы по истории русской философии перестали читаться на психологическом и экономическом факультетах, на факультетах социологии и политологии. На самом философском факультете (ныне институт философии) часы по истории русской философии были сокращены до мини-

⁸ См.: Сидорин В.В. О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века // Отечественная философия. 2024. Т. 2, № 3. С. 7 [7].

му. Это единственный философский факультет, отказавшийся от трехсеместрового курса по русской философии. После переименования кафедры были ликвидированы и элективные курсы по истории русской философии, дававшие студентам возможность расширить знания по истории отечественной философской традиции. Подготовка историков русской философии практически прекратилась. В декабре 2021 г. новый директор института философии СПбГУ Н.В. Кузнецов распорядился безвозвратно удалить с сайта института всю информацию по русской философии (отсканированные источники, которые студенты использовали для семинаров, исследовательские публикации сотрудников кафедры и издания кафедры, сведения о современных специалистах по истории русской философии, представленные на странице Международного центра изучения русской философии). Свое решение он объяснил тем, что сообщество историков русской философии – это «клуб по интересам, который не приносит денег», публикации сотрудников кафедры по истории русской философии «могут навредить репутации университета», а все издания по русской философии – это «макулатура», поскольку они не индексируются в Scopus и WoS. От окончательной отмены историю русской философии спас только геополитический разворот в феврале 2022 г. Политическая аффектация, конечно, затормозила процесс ликвидации в СПбГУ истории русской философии как исследовательского и образовательного направления, но не устранила окончательно угрозу, поскольку мотивации и ценностные установки самой системы, а также принимающие решения люди остались теми же. Однако дело здесь не в русофобии руководителей, а, скорее, в полном отсутствии филии к любой интеллектуальной деятельности и в откровенной мезософии. Проблема не только в людях, но и в самой системе, или, вернее, антисистеме, поскольку она оказалась не способна на созидание. История русской философии пока выстояла, пусть и в сильно усеченном варианте, но, например, деинституциализации подверглась эстетика, которой некогда так славилась ленинградская (петербургская) философия и исследования восточной философии, на грани деинституциализация оказалась логика и этнография (в институте истории) и др. Попытки деинституциализации истории русской философии – это не случайный факт, а признак существующей тенденции в системе образования, хотя бы в рамках отдельно взятого университета.

Прецедент с историей русской философии как направлением исследований и преподавания в СПбГУ показывает, каким образом возможны ее адаптация, а фактически и выживание в существующем научно-образовательном укладе. Отказ от окончательного «выпиливания» истории русской философии из учебного процесса и создание благоприятных условий для продолжения исследований может служить ответом на идеологический запрос со стороны власти на консолидацию общества и поддержку патриотических настроений в условиях геополитической нестабильности и в перспективе – перехода общества на мобилизационную модель, поскольку содержательно история русской философии обладает необходимым для такого ответа интерпретационным материалом. Причем для активации

патриотического и мобилизационного потенциала даже не обязательно отказываться от господствующей западнической культурно-мировоззренческой установки, поскольку русское западничество обладает, в том числе, и патриотическими формами⁹. Однако возвращение философии к служебной роли автоматически не гарантирует желаемый результат, а, скорее, ставит два вопроса: насколько эффективно история русской философии способна ответить на этот запрос и каковы риски для самой истории русской философии? Перед историей русской философии как учебной дисциплиной стоит задача показать все богатство существующих в русской мысли идей, подходов, методов и т.п. Раскрывая это разнообразие, история русской философии утверждает его в качестве условия развития самой культуры и свойственных ей интеллектуальных практик, в том числе философии. В качестве мышления, обращающегося среди прочего к своим собственным основаниям, философия формирует критическую установку сознания, выдерживающего временную паузу и дистанцию по отношению к происходящим событиям. Воздержание от суждения позволяет философии не отвечать в соответствии с заранее заданной схемой. Эпохэ, напротив, позволяет философии вскрыть смысл происходящих событий, который может не совпадать с политическими ожиданиями. Более того, философия не дает готовых ответов, а лишь позволяет выбрать из ее исторического содержания продуманные до конца своих последствий идеи и исчерпанные в своем выражении смыслы и нести ответственность за этот выбор. Подстраивание истории русской философии под нужды прихотливой и изменчивой политической обстановки несет риски утраты исследовательской автономии, предвзятых интерпретаций и априорных оценок. В самой истории русской философии возникнут зоны умолчания, в то время как другие ее темы, напротив, будут намеренно акцентироваться, т.е. усилится историографическая асимметрия русской философии. Госзаказ, безусловно, расширяющий, так сказать, кормовую базу ученых, диктует и направления исследований, во многом предопределяя их результаты. Совпадение воли к знанию с волей самой власти здесь может быть обеспечено только самовнушением.

Включение философии наряду с историей России и основами российской государственности в гуманитарное ядро общеобразовательных дисциплин, безусловно, укрепляет ее позиции в высшей школе и позволяет вернуть занятия по философии в структуру тех образовательных программ, из которых она была изъята. При этом история России и история русской философии имеют свой предмет, сложившуюся историографию, исследовательские традиции, перерастающие в научные школы. Однако объем дисциплины не позволяет полноценно представить в курсе сведения о русской философии как на уровне лекций, так и на уровне практических занятий. В историко-философской части курса русской философии едва ли можно уделить место для более чем одной обзорной лекции. В изложение основных проблем философии еще труднее интегрировать информацию о русской

⁹ См.: Тяпин И.Н. Патриотизм в структуре парадигмальных оснований различных направлений русского западничества XIX – начала XX в. // Философский полилог. 2025. № 2. С. 10–22 [8].

философии, как по недостатку времени, так и по специфичности самого материала. Пожалуй, в раздел о философии истории хорошо может вписаться теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в качестве примера цивилизационного подхода и циклической модели исторического процесса. Но и в этом случае для раскрытия ее содержания потребуется отдельная лекция, иначе студенты в лучшем случае запомнят лишь имя русского мыслителя, но не получают представления о его учении. Философия славянофилов вполне могла бы послужить материалом для реферирования романтического направления в философии, если бы такое было предусмотрено программой. Даже для русского религиозно-философского ренессанса трудно предусмотреть место в содержании общего курса философии. Более того, во многих высших учебных заведениях студенты слушают записанные лекции по философии и только семинарские занятия проводятся в аудиториях. Надо признать, что в большинстве случаев практика таких лекций оказалась неудачной. По крайней мере, студенты редко остаются удовлетворены этими лекциями. Все же в истоке философии лежит опыт живого общения, мышления, облаченного в слово и адресованного другому человеку, который невозможно полностью сублимировать в экранное пространство. Онлайн-курсы по философии по большей части не обладают той силой непосредственного воздействия мысли, которой со времен Сократа философия притягивала своих последователей. За исключением периода так называемой немецкой классической философии, университетские профессора, как правило, не отличались философским дарованием. Только человек, обладающий опытом самостоятельного мышления, способен увлечь слушателей. В большинстве случаев такие курсы превращаются в рутинную трансляцию информации о философии. В аспирантском курсе по истории и философии науки в рамках темы, посвященной антропному принципу в современной науке, иногда рассматривается русский космизм. Однако и в этом случае сведения о русской философии оказываются очень фрагментарными. В целом интеграция русской философии в общий университетский курс по философии оказывается крайне ограниченной, что не позволяет считать современную образовательную модель подходящей для адаптации истории русской философии и полноценного знакомства с ней студентов, а значит, и для проекции ее содержания в общественную среду.

В том случае, когда структура учебного процесса предусматривает вариативную часть, т.е. выбор самими студентами некоторых предметов, курсы по истории русской философии могут быть предложены в качестве факультативов или элективных дисциплин. Мотивация студентов, выбирающих историю русской философии, конечно, повышает качество самих занятий, поскольку философия как опыт общения, а не просто передача информации предполагает взаимный отклик. Философское знание по своей природе диалогично или даже полилогично (если отказаться от филологического снобизма при восприятии этого термина); это собирательное дело многих. Правда, элективный курс способен охватить значительно меньшее количество студентов. Целью же такого курса является не столько усвоение определенного материала (имен, понятий, идей,

направлений, фактов и т.п.), сколько активация той любви, которая соединяется с мудростью и даже направляет ее. Задачей курса по истории русской философии является формирование устойчивого познавательного интереса, влечения к знанию и положительное восприятие отечественной интеллектуальной традиции, в которой философия взаимодействует с русской культурой, литературой, наукой, откликается на исторические события и т.п. Такая адаптивная стратегия будет более эффективной, хотя и менее масштабной.

История русской философии обладает адаптивными возможностями и в качестве литературы, хотя, надо признать, философия чаще всего является плохой литературой. Впрочем, историография русской философии знает примеры и блестящих с литературной точки зрения философских текстов. Таковы, например, сочинения Г.Г. Шпета или примыкающие к философии исследования Л.П. Карсавина и С.С. Аверинцева. Из современных авторов можно назвать К.Г. Исупова, способного придать историко-философскому сюжету яркую художественную форму, играющую богатыми выразительными оттенками русского языка и культурного контекста. Явным литературным даром обладал А.И. Герцен. Стилистически безупречными выглядят большинство сочинений В.С. Соловьева. Сами философы периодически блудили с литературой и поэзией (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, В.С. Соловьев и др.). На литературном поприще проявили себя В.К. Кантор, А.А. Корольков, А.А. Грякалов, С.С. Гусев и др. Не чужаются философы и публицистики, несмотря на всю ее пошлую злободневность. История русской философии обладает всей структурной полнотой научной литературы, включающей в себя многообразие форм и жанров, отражающих современное состояние философского знания, от устоявшихся интерпретаций и контента (словари, энциклопедии, учебники) до дискуссионного пространства повременных изданий, монографий, диссертаций и непериодических сборников. Актуальное состояние историко-философских поисков полнее всего отражается в специализированных журналах по русской философии: «Соловьёвские исследования», «Философические письма. Русско-европейский диалог», «Отечественная философия», «Русская философия», «Философский полилог. Журнал международного Центра изучения русской философии», «Вече. Ежегодник русской философии и культуры». Большинство университетских «Вестников» и общепублицистических журналов также регулярно публикуют исследования по истории русской философии. В этом отношении количество узко специализированных журналов по русской философии можно считать даже несколько избыточным, поскольку круг историков философии, профессионально занимающихся русской мыслью, невелик. Современная наукометрическая система оценок фактически перевернула иерархию научных текстов в гуманитарных науках. Однако она так и не смогла девальвировать ценность монографии, которой, как правило, завершается историко-философское исследование. Предел адаптивных возможностей исследовательской литературы по истории русской философии и ее влияния во многом уже исчерпан.

Однако современные средства коммуникации создают новые перспективы

для смысловых проекций русской философии. Цифровая среда еще мало используется для адаптации как результатов исследований, так и самого содержания русской философии. Информационные ресурсы, электронные библиотеки, образовательные порталы, специализированные сайты, посвященные русской философии, делают ее значительно доступнее и расширяют круг потенциальных пользователей. Общее количество таких ресурсов невелико, и взаимодействие с ними носит пассивный характер. К ним обращаются, чтобы найти нужный источник или редкую публикацию, узнать о планируемых мероприятиях, навести справку и т.п. Инертность подобных форм цифровой среды состоит в том, что они отвечают на запросы, но не формируют ожидания, не закладывают интерес и не ориентируют познавательный поиск, т.е. сами по себе не влияют на содержание и направленность сознания. Если философия возникает из удивления перед миром и ставит вопросы, на которые нет очевидных ответов, то цифровой мир философии не способен вызвать трепетное ощущение встречи с неизвестным; он представляет собой относительно упорядоченный склад, даже не музей, поход в который является событием и размещенные в котором артефакты заведомо обладают ценностью. На философские цифровые ресурсы распространяется известное бихевиористское правило: ценность определяется степенью депривации. Они не способны увлечь, как, например, виртуальное пространство игры. В них, вероятно, невозможно воспроизвести основополагающие формы бытования философии, так же как самостоятельное мышления и образ жизни. Приемом вовлечения в процесс историко-философского исследования могут служить блоги и подкасты, знакомящие не только с результатом, но и с ходом самой работы. Правда, не всякий ученый согласится разоблачать процесс своего труда, не только потому что считает ценным только результат, но и потому что не готов тратить на это время, поскольку подготовка подкаста требует профессиональных навыков съемки, монтажа и т.п. Блоги и подкасты обладают эффектом профанирования; они относятся к научно-познавательному контенту, который все равно является частью культуры развлечения и досуга. Далеко не каждый эксперт согласится превратить свою работу в шоу. Историко-философское исследование все же протекает в тишине кабинета, библиотеки, архива. Оно, так сказать, по своей природе и габитусу несовместимо с теми эффектами и откровенным шумом, которые требуются для блога и подкаста. По всей видимости, ближайшей перспективы превращения блогов и подкастов в философский жанр не предвидится. Можно, конечно, считать позицию историка русской философии ученым снобизмом, но мне кажется, что очень трудно совмещать кропотливое историко-философское исследование с каким-то массовым продвижением его результатов. По крайней мере, ученый вполне может удовлетвориться преподаванием для популяризации своих достижений.

Все журналы по истории русской философии имеют свою электронную версию (или даже только электронную), что значительно расширяет круг читателей и доступность самих публикаций, но уже практически уничтожило подлиску – традиционно один из основных источников финансирования журналов.

Некоторые ресурсы предоставляют платный доступ к отдельным статьям. Но взимание платы входит в противоречие с главным достоинством цифровой среды – ее открытостью и доступностью. Специализированные историко-философские журналы являются заведомо не коммерческими проектами, они не рассчитаны на получение прибыли. Платный доступ не компенсирует расходы, но лишает журнал того преимущества, которое дает цифровое пространство. Некоторой заменой подписки могут служить пожертвования, для чего на сайтах журнала необходимо разместить соответствующий раздел. Сохраняя доступность всех материалов, опубликованных в журнале, они дают возможность поддерживать издание финансово. Рассчитывать на доходы от размещения рекламы на сайтах историко-философских журналов не приходится, поскольку круг читателей заведомо невелик.

Кажется, что несколько оживить философскую цифровую среду способны большие языковые модели, которые не совсем корректно именуют искусственным интеллектом (ИИ). Однако пока его применение к истории философии вызывает больше вопросов, чем дает ответов на них. Сможет ли комбинаторика ИИ составить конкуренцию историко-философским исследованиям? Историк философии, как правило, имеет дело с текстами, поэтому если их «скормить» ИИ, то сможет ли он предложить их продуктивную историко-философскую интерпретацию? Будет ли такое знание синтетическим, т.е. приведет ли к прибавлению историко-философского гнозиса? Или это будет лишь симуляция, поскольку знание, на которое способен ИИ, является аналитическим? Дело в том, что «генеративный искусственный интеллект приводит к кризису смысла. <...> Современные генеративные модели искусственного интеллекта не только автоматизируют задачи, но и деконструируют саму возможность подлинного смысла и интерпретации. Они создают иллюзию понимания, заменяя его на мгновенную симуляцию и генерацию»¹⁰. Можно не сомневаться, что обращение к ИИ приведет к наращению количества новых текстов по истории русской философии. Качество этих текстов будет напрямую зависеть от качества промпта и архитектуры самой модели ИИ (ее исходного языка, текстов, на которых она обучалась, и т.п.). Однако корректный запрос может сформулировать только человек, уже погруженный в проблематику и известным образом в ней ориентирующийся. Способен ли ИИ понимать философские проблемы, раскрывать их в контексте (историческом, культурном, социальном, полемическом)? Опять же, способен ли ИИ иметь дело с философией как образом жизни? Может ли он, так сказать, привести к счастливой жизни или личному спасению или изменить бытийный статус человека? Последний вопрос явно выглядит риторическим, если не вообще абсурдным. Вероятно, использование ИИ будет достаточно эффективно для того направления в философии, которое сводит философские проблемы к анализу языка, корректировке понятий, настройке семантики и т.п. Исторически базовой формой философии выступала

¹⁰ См.: Малинов С.А. Искусственный интеллект как симулякр смысла // *Galactica media: journal of media studies*. 2025. № 4. С. 156 [9].

дискуссия или диалектика в античном ее понимании как артикуляция всех возможных точек зрения на проблему. Наверняка ИИ может обозначить такие точки зрения, но насколько они будут эвристичными и пригодными для дальнейшего обсуждения или это приведет к тривиализации знания; будет ли здесь что обсуждать? Способен ли ИИ принимать участие в прениях наравне с человеком? Цифровая среда вполне может служить дискуссионной площадкой для обсуждения философских проблем. Растворение философии, в том числе и истории русской философии, в цифровой среде и принесение ее в жертву генеративным потенциям ИИ обладают явными адаптивными возможностями, но их перспективы, а главное последствия, пока трудно прогнозируемы.

Традиционными формами адаптации русской философии выступают различные коммеморативные практики и, так сказать, философское краеведение, которое, надо признаться, развито очень слабо. В известном смысле они представляют собой внешнюю сторону философского логоса. Точнее, в них логос предъявлен как философский топос и хронос. Коммеморации и краеведение позволяют привязать русскую философию к определенным времени и месту и сделать ее в известном смысле осязаемой. Некоторую сложность представляет, с одной стороны, выбор событий и персон, достойных презентации, с другой – их локализация, поскольку возможна конкуренция кейсов, затрудняющая выбор конкретного места. Идеологическое наследие советской эпохи сохранило в топонимике городской среды имена А.Н. Радищева, А.И. Герцена, М.А. Бакунина, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.Х. Кетчера и некоторых других. Причем, надо заметить, исключительно западников. В Петербурге, пожалуй, есть только один зафиксированный философский топос, так называемый «философский камень», – памятная стела, установленная в 2003 г. на наб. Лейтенанта Шмидта, откуда осенью 1922 г. отправились два «философских парохода». Примечательно, что ее могли поставить только в качестве самостроя. Действующий порядок практически исключает возможность легально открыть памятную доску или другой мемориальный знак не только по личной инициативе, но и со стороны институций. Так, например, СПбГУ несколько раз предпринимал попытки разместить во дворе Главного здания университета памятные доски, посвященные выдающимся ученым, но так и не смог получить на них разрешение от городских чиновников. Очень показательны установленные рядом со зданиями СПбГУ памятники В.Д. Спасовичу (2024 г.) и С.С. Уварову (2023 г.) – двум диаметрально противоположным деятелям, которые как бы символически уравнивают друг друга. Если С.С. Уваров известен как автор идеологической формулы «Православие. Самодержавие. Народность», то В.Д. Спасович прямо называл себя «антицерковником, антинационалистом и антигосударственником». Недолгое время В.Д. Спасович преподавал в Петербургском университете (1857–1861 гг.), но больше сделал для польской науки и культуры и никогда не отличался симпатиями к России, русскому народу и культуре. Памятник С.С. Уварову был открыт на Менделеевской линии Васильевского острова перед

входом в Главное здание университета, сменив неудачный по пластическому решению и нелепый по смыслу памятник «Универсантам», который сами же универсанты нарекли «памятником вылетевшему студенту». Двусмысленность памятнику С.С. Уварову придают два обстоятельства. Во-первых, памятник был установлен С.С. Уварову как основателю университета, поскольку по его инициативе в 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в Императорский Санкт-Петербургский университет, преемником которого является СПбГУ. Однако, согласно университетской мифологии, в 2024 г. университет отмечал свое 300-летие. Практика возводить начало университета к указу Петра I 1724 г. сложилась лишь в конце прошлого века, и первый раз новая юбилейная дата отмечалась только в 1999 г. Во-вторых, исследователи неоднозначно оценивают С.С. Уварова как государственного деятеля, а современники отмечали вороватость министра и его нетрадиционную ориентацию, высмеянную даже в эпиграмме А.С. Пушкина. Вместо памятника чиновнику на Менделеевской линии напрашивался и давно ожидался памятник Д.И. Менделееву. В 1819 г. по распоряжению С.С. Уварова университет был открыт по другому адресу: 6-я линия В.О., дом 15, который ныне тоже принадлежит университету и где памятник его основателю был бы более уместен. В Петербурге, безусловно, есть места, достойные философской локализации, например: здание министерства народного просвещения на ул. Зодчего России, где в 1901–1903 годах проходили Религиозно-философские собрания; комплекс зданий так называемого Соляного городка, где в 1878 г. выступал с «Чтениями о Богочеловечестве» В.С. Соловьев; бывшая гостиница трактира «Демут», в которой в 1856 г. скончался И.В. Киреевский, и др. Более бережное отношение к культурной традиции можно встретить в провинции, где частная инициатива краеведов, потомков или меценатов не встречает такого бюрократического сопротивления. По этой причине в регионах можно чаще встретить памятники отечественным мыслителям. Так, например, в 2022 г. в г. Ливны Орловской обл. был установлен бюст Н.Я. Данилевского, а в 2025 г. ему же был открыт бюст в Севастопольском государственном университете. Доступ же к бывшему имени Н.Я. Данилевского Мшатка в Крыму и к могиле философа фактически закрыт. В 2006 г. в Костромском государственном университете имени Н.А. Некрасова был открыт бюст В.В. Розанову, а в 2009 г. в Костроме установили памятник А.А. Зиновьеву. В 2007 г. в с. Спешнево-Ивановское Липецкой обл., бывшем имении А.С. Хомякова, был установлен памятный знак русскому философу. К 200-летию А.С. Хомякова памятная доска была открыта в Даниловом монастыре в Москве. С 2006 г. во дворе дома на Арбате, где жил философ, стоит бюст А.Ф. Лосеву, а в 2014 г. бюст ему появился в Новочеркасске. В 2012 г. в Екатеринбурге на территории Уральского института бизнеса установлен памятник И.А. Ильину. В 2009 г. в Боровске открыт памятник Н.Ф. Федорову. В 2015 г. в Саранске появился памятник М.М. Бахтину, а в 2018 г. стараниями М.В. Максимова в Ивановском государственном энергетиче-

ском университете – бюст В.С. Соловьева. В институте философии СПбГУ по частной инициативе создана галерея выдающихся философов (восемь портретов), преподававших в университете. В 1989 г. в Томске на доме, где жил Г.Г. Шпет, была установлена мемориальная доска, в 2017 г. мемориальная доска Г.Г. Шпету появилась в г. Енисейске Красноярского края. Однако эти примеры единичны.

В России практически нет домов-музеев или мемориальных квартир философов, за исключением, пожалуй, Дома А.Ф. Лосева. Недалеко от него в 1920–1929 годах в особняке А.С. Хомякова на Собачей площадке существовал Бытовой музей сороковых годов XIX в., экспозиция и фонды которого были сформированы, прежде всего, из предметов, принадлежавших лидеру кружка славянофилов, в том числе из его имения Богучарово. В 1962 г. дом А.С. Хомякова был снесен при прокладке ул. Новый Арбат. Можно сказать, что Дом А.Ф. Лосева по сопричастности и сопредельности наследует дому А.С. Хомякова. Гений места явно требовал здесь философского музея. С 2005 г. в Богучарово на окраине г. Тулы действует Историко-художественный музей А. С. Хомякова, занимающий часть дома в его бывшем имении. Обстановка и вещи из особняков А.С. Хомякова на Собачей площадке и в Богучарово находятся в экспозиции и фондах Государственного исторического музея. Расположенный в Сивцевом Вражке дом-музей А.С. Герцена является филиалом Государственного литературного музея. В Петербурге В.В. Савчук пытается организовать музей философии, который по понятным причинам остается бесприютным.

* * *

История русской философии обладает всеми признаками полноценной научной дисциплины, но при этом существует, можно сказать, на особицу от актуального философского процесса, встречается с ним лишь в печатном пространстве журналов, но не в агональном измерении мысли. Препятствием для перерастания истории русской философии в собственно (русскую) философию являются, по замечанию В.В. Сидорина, «концептуальный и методологический разрыв отечественного философского наследия с гуманитарным знанием второй половины прошлого столетия, корпоративный разлом внутри российского философского сообщества, радикальная политизация дисциплинарного пространства истории русской философии»¹¹. При этом историческая интрига, на фоне которой разворачивается русская философия, полемические сюжеты, в которых раскрывается ее содержание, жизненные траектории русских мыслителей вполне могут увлечь вдумчивого человека и предложить умозрительную альтернативу завлекательной интеллектуальной моде.

История русской философии обладает разнообразными адаптивными возможностями. Столь же различны, можно даже сказать, разнонаправлены и ее

¹¹ См.: Сидорин В.В. О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 3. С. 12.

функции в современной культуре. С одной стороны, история русской философии в качестве истории выступает консервирующим, устойчивым элементом культуры. С другой стороны, в качестве философии она дает пример живого мышления в смысловой стихии русского языка. Драматизм ситуации состоит в том, что философы в России до сих пор не признают себя русскими философами, редко обращаются к идеям и концепциям, составляющим содержание русской философии, не используют ее понятийные возможности. Причина этого очевидна – несвоевременность, а зачастую и архаичность этих идей, их сильная зависимость от давно стершегося контекста. Перед историком русской философии стоит трудная и далеко не всегда выполнимая задача – заставить звучать эти идеи, не подстраивая их под политическую злободневность, показать, как возможна русская философия в качестве самостоятельного типа мышления. Русская философия, еще прежде отказавшись от иноязычия, эксплуатирует широкий дискурсивный репертуар – от феноменологии до постмодернизма, от неопозитивизма до гегельянства, от психоанализа до марксизма и т.п. Философия в России все еще не решается перейти на свой собственный язык, т.е. стать русской философией без оглядки как на философскую моду, так и на саму историю русской философии с ее возрождением возрождения, эмигрантскими комплексами, переходящей в верноподданничество национальной гордыней и т.п. Способы адаптации истории русской философии во многом совпадают со стратегиями выживания других национальных исследований: по истории России, истории русской литературы, истории русской культуры и др. Наиболее эффективным, вероятно, является их совместное, взаимно действующее и взаимно поддерживающее усилие по изменению интеллектуального климата современного российского общества, отказ от того, что еще Ю. Крижанич называл «чужебесием», культивирование знания чужого без презрения к своему и любви к своему без ненависти к чужому. Идеальной задачей русской философии как в ее истории, так и в настоящем является решимость мыслить самому и жить своим умом.

Список литературы

1. Куприянов В.А. Проблема оригинальности русской философии в ранней историографии русской философии // Философский полилог. 2022. № 2. С. 27–46. DOI: 10.31119/phlog.2022.2.176
2. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» / К.М. Антонов, В.В. Ванчугов, Н.И. Герасимов и др. // Отечественная философия. 2024. Т. 1, № 2. С. 29–73.
3. Максимов М.В. Библиографический указатель статей, обзоров и рецензий, опубликованных в журнале «Соловьёвские исследования» (2001–2021 гг. Вып. 1–72) / сост., вступ. ст. М.В. Максимов. СПб.: Алетей, 2022. 416 с.
4. Едошина И.А. «Вязание чулка» отечественной культуры (о деятельности научного центра в Костроме и журнале «Энтелехия») // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 142–150.
5. Аляев Г., Суходуб Т. Русская философия в Украине // Философский полилог. 2021. № 1. С. 143–172. DOI: 10.31119/phlog.2021.1.138
6. Козырев А.П. Трансформация сообщества историков русской философии. 1990–2010-е годы // Философские перекрестки: Московско-Казанский сборник. II Садыковские чтения. Вып. II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 22–34.

7. Сидорин В.В. О дурной бесконечности, или История отечественной философии на исходе первой четверти XXI века // Отечественная философия. 2024. Т. 2, № 3. С. 5–16.

8. Тяпин И.Н. Патриотизм в структуре парадигмальных оснований различных направлений русского западничества XIX – начала XX в. // Философский полилог. 2025. № 2. С. 10–22. DOI: 10.31119/phlog.2025.2.254

9. Малинов С.А. Искусственный интеллект как симулякр смысла // Galactica media: journal of media studies. 2025. № 4. С. 154–173. DOI: 10.46539/gmd.v7i4.705

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Alyaev, G., Sukhodub, T. Russkaya filosofiya v Ukraine [Russian philosophy in Ukraine], in *Filosofskiy polilog*, 2021, no. 1, pp. 143–172. DOI: 10.31119/phlog.2021.1.138.

2. Antonov, K.M., Vanchugov, V.V., Gerasimov, N.I., Zabelin, K.V., Malinov, A.V., Maslin, M.A., Porus, V.N., Sidorin, V.V., Teslya, A.A., Chervyakov, N.A., Shindyapin, A.V., Shpakovskiy, M.V. Diskussiya «Problemy prepodavaniya istorii russkoy filosofii v vysshey shkole» [Discussion “Problems of Teaching the History of Russian Philosophy in Higher Education”], in *Otechestvennaya filosofiya*, 2024, vol. 1, no. 2, pp. 29–73.

3. Edoshina, I.A. «Vyazanie chulka» otechestvennoy kul'tury (o deyatel'nosti nauchnogo tsentra v Kostrome i zhurnale «Entelekhiya») [“Knitting a Stocking” of Russian Culture (about the activities of the scientific center in Kostroma and the journal “Entelechy”)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 2(26), pp. 142–150.

4. Kupriyanov, V.A. Problema original'nosti russkoy filosofii v ranney istoriografii russkoy filosofii [The problem of the originality of Russian philosophy in the early historiography of Russian philosophy], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 27–46. DOI: 10.31119/phlog.2022.2.176.

5. Malinov, S.A. Iskusstvennyy intellekt kak simulyakr smysla [Artificial intelligence as a simulacrum of meaning], in *Galactica media: journal of media studies*, 2025, no. 4, pp. 154–173. DOI: 10.46539/gmd.v7i4.705.

6. Sidorin, V.V. O durnoy beskonechnosti, ili Istoriya otechestvennoy filosofii na iskhode pervoy chetverti XXI veka [On Bad Infinity, or the History of Russian Philosophy at the End of the First Quarter of the 21st Century], in *Otechestvennaya filosofiya*, 2024, vol. 2, no. 3, pp. 5–16.

7. Tyapin, I.N. Patriotizm v strukture paradiġmal'nykh osnovaniy razlichnykh napravleniy russkogo zapadnichestva XIX – nachala XX v. [Patriotism in the structure of paradigmatic foundations of various directions of Russian Westernism of the 19th – early 20th centuries], in *Filosofskiy polilog*, 2025, no. 2, pp. 10–22. DOI: 10.31119/phlog.2025.2.254.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Kozyrev, A.P. Transformatsiya soobshchestva istorikov russkoy filosofii. 1990–2010-e gody [Transformation of the Community of Historians of Russian Philosophy. 1990s–2010s], in *Filosofskie perekrestki: Moskovsko-Kazanskiy sbornik. II Sadykovskie chteniya. Vyp. II* [Philosophical Crossroads: Moscow-Kazan Collection. II Sadykov Readings. Issue II], Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2014, pp. 22–34.

(Monographs)

9. Maksimov, M.V. Bibliograficheskiy ukazatel' statey, obzorov i retsenziy, opublikovannykh v zhurnale «Solov'evskie issledovaniya» (2001–2021 gg. Vyp. 1–72) [Bibliographic index of articles, reviews, and critiques published in the journal “Soloviev Studies” (2001–2021, Issues 1–72)]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2022. 416 p.